

Е. А. Цапкина

Тверской государственный университет, 4 курс

Научный руководитель: к.ф.н. Л. П. Бурмистрова

ПИКАРДСКИЙ ЯЗЫК КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Во Франции пикардский язык принято считать диалектом, в то время как в Бельгии он давно признан региональным языком. По этой причине ЮНЕСКО занёс пикардский язык в перечень языков на грани исчезновения [UNESCO URL]. Из этого следует, что сейчас необычайно важно обратить на *picard* особое внимание, поднять интерес общественности, привлечь людей к его изучению, что поможет продлить его существование, ведь язык — это не только способ общения, но и культура, история.

Говоря об истории, стоит начать с происхождения пикардского диалекта как языка. Он является романским ойльским языком и относится к семейству галло-романских языков. Распространён на севере Франции в регионе *Pas-de-Calais*, где он носит название «шти», Пикардии, где его называют «*picard*», и Валлонии (Бельгия). Нередко используется и термин «*patois du nord*» (северный (пикардский) патуа) [Свиридонова 2010].

Развился пикардский язык на основе простонародной латыни поздней античности. В Средние века, когда с точки зрения языка Франция делилась на две части – север, где правили ойльские языки, и юг, где говорили на окских – большую часть Пикардии составляли германцы. Благодаря их высокому статусу в обществе и тому, что в первую очередь они овладели романской речью, пикардский язык пользовался популярностью и имел значительный престиж на севере Франции, а также собственную литературную форму.

С тех пор он претерпел множество изменений, оказал влияние на формирование французского языка, а также и сам не раз подвергался его воздействию. Так, французский язык, а затем и русский, переняли такие пикардские слова, как *cauchemar* (от лат. *calcare* «давить» + пикардск. *mare* «ночное привидение») «кошмар» и *cabaret* (от пикардск. *camberet* «маленькая комнатка») «кабаре».

Примечательно, что французский язык позаимствовал слова из пикардского в таких сферах, как хлебопекарное производство, шерстяная и угледобывающая промышленности. Например, французское слово *boulangier* изначально имело форму «*bolengier*». Вероятно, оно происходит от древнего пикардского слова *boulenc* (тот, кто готовит круглый хлеб). Появление данного слова вытеснило слова *pesteur* (тот, кто замешивает тесто), и *panetier* (хлебодар), используемые в старофранцузском языке. Из той же области слово *craquelin*, (твердое хрустящее печенье), в Бельгии относится к разновидности молочного хлеба с хрустящими кусочками

сахара внутри. Оно происходит от средненидерландского, как и многие другие слова Бельгии и Северной Франции.

В области строительства хотелось бы отметить слово *usine* (фабрика), у истоков которого в XIII веке на севере Франции были найдены варианты *oechine*, *oechevine*, *ouchine*, которые обозначают пивоваренный завод, а затем формы *wisine*, *uisine* и *usine*, которые применялись к мельнице или кузнице на ручье. Это слово является результатом последовательных преобразований латинского слова *officina*, «мастерская, фабрика». До XVIII века завод означал производственное предприятие, в котором использовались гидравлические машины, особенно крупные кузницы. Затем это слово стало применяться к предприятиям, где используется оборудование для переработки сырья.

Благодаря роману Эмиля Золя «Жерминаль» (1885 г.) французский язык в сфере, связанной с угледобычей, пополнило слово *coron*, использовавшееся в северном регионе для обозначения домов шахтеров: его первоначальное значение – «*extrémité, coin*» (конец, угол).

Интересно отметить, что шахта также снабдила французский язык словом *gescaré* (спасенный). 10 марта 1906 года в Курьер (Courrières, Pas-de-Calais) произошла ужасная катастрофа, в результате которой погибло 1200 шахтёров. Парижские журналисты, приехав на место происшествия, услышали этот пикардский глагол от местных спасателей и использовали его в своих отчетах. Таким образом он вошёл во французский язык [Bovet 2009: 105-107].

Само название «шти» (*ch'ti*, *chti*, *ch'timi* или *chtimi*) зародилось во времена Первой мировой войны. Служившие на севере солдаты родом из других регионов Франции использовали его для обозначения своих товарищей из Pas-de-Calais и Пикардии. Слово является звукоподражательным и создано за счёт повторения носителями фонемы /ʃ/ (*ch*) и фонетической последовательности /ʃti/ (*chti*). В пикардском «шти» имеет значение «*celui*» (тот, который): «**Ch'est chti** qui a fait **cha**» (C'est lui qui a fait ça; Он тот, кто это сделал); «**Ch'est ti?** — **Ch'est mi**» (C'est toi? — C'est moi; это ты? — Это я).

Многие считают пикардский язык производным от французского, но это не так. В докладе 1999 года Бернар Серкиглини, директор национального института французского языка, заявил о растущем разрыве между французским, пикардским и рядом других региональных языков, которые считаются диалектами [Serquiglini 1999]. Вместе с тем, в таких городах, как Амьен, Лилль или Кале можно услышать разные варианты пикардского языка. Из этого следует, что уроженец Лилля, говорящий на шти, сможет понять речь человека, родом из Амьена. Однако понимание французов наоборот остаётся под вопросом в связи с прогрессирующей разницей между французским языком и пикардским диалектом.

Они отличаются не только фонетикой и лексикой, но и грамматикой. В первую очередь необходимо отметить самые очевидные отличия: в своей речи жители севера заменяют французский звук /ts/ «с» на /tʃ/ «ch» (*ichi* «ici», *chique* «sucré»), а французские /tʃ/ и /dʒ/ соответственно на /k/ и /g/ (*caud* «chaud»).

От французских числительных отличаются только некоторые из пикардских:

tros – *trois*, *quate* – *quatre*, *ching* – *cinq*, *dix/diche* – *dix*, *onse* – *onze*, *dousse* – *douze*, *treisse* – *treize*, *quatorse* – *quatorze*, *quinse* – *quinze*, *seisse* – *seize*, *chinquante* – *cinquante*, *chint* – *cent*.

Особенно сильно индивидуальность шти подчёркивает спряжение глаголов, ведь именно оно считается одним из сложнейших грамматических аспектов французского языка. Начнём с того, что в пикардском нет целых пяти времён: в изъявительном наклонении (l'indicatif) это *le passé simple*, *le passé antérieur* и *le conditionnel passé 2e forme*, а в сослагательном (le subjunctif) – *l'imparfait* и *le plus-que-parfait*.

Группы спряжения в шти тоже отличаются. В первой изменения почти незаметны:

- в настоящем времени изъявительного наклонения (le présent de l'indicatif) добавляются окончания *e*, *es*, *e*, *ons*, *ez*, *e'te* соответственно;
- в прошедшем незавершенном (l'imparfait) - *oais*, *oais*, *oait*, *oème*, *oète*, *oai'te*;
- в будущем (le futur) - *erai*, *eras*, *era*, *erons*, *erez*, *eront*;
- в условном наклонении (le conditionnel) - *erais*, *erais*, *erait*, *eroème*, *eroète*, *eroi'te*;
- в сослагательном (le subjunctif) - *e*, *es*, *e*, *onche*, *èche*, *e'te*;
- в повелительном (l'impératif) - *e*, *ons*, *ez*;
- в причастиях (les participes) - *ant*, *é*;

Вторая группа выглядит более самостоятельной:

- présent de l'indicatif - *s*, *s*, *t*, *chons*, *chez*, *'te*;
- l'imparfait – *choais*, *choais*, *choait*, *choème*, *choète*, *choai'te*;
- le futur – *rai*, *ras*, *ra*, *rons*, *rez*, *ront*;
- le conditionnel – *rais*, *rais*, *rait*, *roème*, *roète*, *roai'te*;
- le subjunctif – *che*, *ches*, *che*, *chonche*, *chèche*, *ch'te*;
- l'impératif – *s*, *chons*, *chez*;
- le participe présent – *chant*;

Третья группа, как и во французском, содержит в себе все остальные глаголы, не входящие в первую и вторую группы спряжения. Для большинства из них характерно наличие нескольких радикалов (корней). Тем не менее, и в этой группе можно выделить определённые

закономерности, за исключением таких глаголов, как *ête, avoér, aller, pouvoér, savoér, valoér* и *vouloér*. Для примера был взят глагол *vnir* «venir»:

- 1) Один и тот же радикал для настоящего времени изъявительного наклонения во всех лицах единственного числа и в 3 лице множественного числа (**viens, viens, vient, vien'te**), а также во втором лице повелительного наклонения (**viens**).
- 2) Один и тот же радикал для прошедшего незавершенного в изъявительном наклонении (**vnoais, vnoais, vnoait, vnoème, vnoète, vnoai'te**) для причастия настоящего времени (**vnant**), для 1 и 2 лица множественного числа настоящего времени изъявительного (**vnonz, vnez**), сослагательного (**vnonche, vnèche**) и повелительного наклонений (**vnonz, vnez**).
- 3) Один и тот же радикал для будущего времени (**varai, varos, varo, varons, varez, varont**) и условного наклонения (**varoais, varoais, varoait, varoème, varoète, varoai'te**).
- 4) Один и тот же радикал для сослагательного наклонения во всех лицах единственного числа (**vienche, vienches, vienche**) и в 3 лице множественного (**vienche'te**).

Удивительно, что такой уникальный язык на сегодняшний день претерпевает подобное пренебрежение. В мире от 60 до 80% языков находятся под угрозой исчезновения, и сегодня как никогда необходимо обращать внимание на эти проблемы, так как языковое разнообразие очень важно. Языки являются векторами всей истории человечества. Они содержат историю народов, говорящих на них, и уникальные знания, характерные для региона их распространения. Они связаны с особыми образом мышления и мировоззрением, которые нельзя найти ни в одном другом языке. Они показывают все способы, которыми мозг способен обрабатывать информацию, и ни один язык не представляет всех возможных способов восприятия мира. К. Дэвид Харрисон, один из самых известных лингвистов, настоятельно рекомендует публике рассмотреть возможность того, что языки, которые не достигли социального или экономического успеха, не хуже других. Они могут быть намного старше, сложнее и в то же время использовать гораздо более эффективные языковые конструкции, чем те, что пользуются особой популярностью сегодня [Harrison 2007]. Таким образом, значительная часть лингвистических исследований сосредоточена на возрождении и восстановлении языков.

Нередко языковой спад коррелирует с падением престижа (уровнем уважения к языку), который контролируется в основном тремя факторами:

- 1) поддержка со стороны правительства, влияющая на отношение общества к языку;
- 2) уровни престижа соседних языков и одобрение двуязычия;
- 3) отношение молодежи.

Последнее особенно важно, потому как именно благодаря передаче из поколения в поколение язык продолжает жить и процветать.

Интересно отметить, что число носителей языка — не единственный показатель его здоровья. Очень распространенный язык может быстро прийти в упадок из-за политических или социальных событий, а язык, на котором говорят менее 100 человек, может процветать на протяжении нескольких поколений, если его постоянно передавать детям.

Язык можно считать живым, когда он используется людьми, изучившими его в детстве в качестве первого (родного), или сообществом, достаточно многочисленным и активным, чтобы обеспечить спонтанную эволюцию языка. Как только одно поколение перестает передавать язык следующему, можно сказать, что язык умирает. В настоящее время процесс вымирания языков ускоряется из-за нетерпимой языковой политики, глобализации и последствий колонизации. Несомненно, нынешняя скорость гибели языков является большой проблемой и для людей, говорящих на них, и для лингвистики.

Даже в самых сельских районах родители больше не передают шти своим детям, и молодым людям редко предоставляется возможность услышать этот язык. Это говорит о том, что шти находится в большой опасности. Для лучшего понимания масштаба проблемы можно прибегнуть к специально созданным лингвистами системам, позволяющим разделять языки на разные уровни угрозы исчезновения. Возможно, самой новой и ёмкой системой является система Майкла Краусса [Krauss 1980]. Согласно ей, все языки можно поделить на три основные группы:

1. Языки, которым ничего не угрожает: они не только изучаются детьми в качестве родного языка, но и будут по-прежнему передаваться детям в обозримом будущем.

2. Языки, находящиеся под угрозой исчезновения.

1) Стабильные языки: дети по-прежнему изучают их как родной язык. (Они немного менее защищены, чем те, которые относятся к первой категории).

2) Языки в упадке.

а) нестабильность и ухудшение состояния: некоторые из детей говорят на этом языке.

б) угроза исчезновения: язык преодолел основной критический порог жизнеспособности, больше не преподается детям как родной язык, а самые младшие носители принадлежат к родительскому поколению.

в) критическая угроза исчезновения: самые молодые говорящие относятся к поколению бабушек и дедушек, и их очень мало.

г) вымершие языки: на них больше никто не говорит или о них даже не помнят.

Шти находится под критической угрозой исчезновения.

Что касается непосредственно смерти языка, она может произойти как в случае добровольного перехода языкового сообщества на другой язык, так и из-за стихийных бедствий, геноцида или эпидемий. Причины можно разделить на три основные группы: физические, экономические и социальные, и политические.

На сегодняшний момент шти находится в опасности по экономическим и социальным причинам. Создание высшего социального класса обесценило традиционные виды деятельности и сельскую жизнь, где на нём говорят чаще.

К счастью, ещё есть возможность реабилитировать шти. В своей книге Дэвид Харрисон предлагает несколько мер по оживлению находящихся под угрозой исчезновения языков и повышению их престижа [Harrison 2007]:

1. Язык приобретает престиж, если он более заметен в сообществе. Эта видимость может состоять из кратких появлений в рекламных объявлениях и брошюрах коммунальных служб. Язык также можно использовать в названиях мест, на табличках и плакатах.

2. Язык приобретает престиж, если его носители улучшают свой социальный статус в обществе. Это придает усилиям значимость и легитимность.

3. Язык приобретает престиж, если его носители знают правописание, благодаря чему его можно использовать в более широком масштабе. После создания письменности, одной из самых важных дверей, которые будут открыты, станут электронные технологии.

4. Язык приобретает престиж, если он широко представлен в системе образования. Необходимо разработать программы, ориентированные на молодых учащихся, а также на взрослых. Системы образования отражают ценности доминирующего общества, поэтому хорошая репрезентация языка в школах очень важна.

5. Язык приобретает престиж, если в языковом сообществе высоко ценится двуязычие и многоязычие. Это подтверждает идею о том, что нельзя выбирать между языком, находящимся под угрозой, и доминирующим языком. Необходимо уважать и активно использовать оба.

И, наконец, следует подчеркнуть, что язык без носителей — это всего лишь набор слов. Как говорят шти: *In-ne langue a n'a mie bzoin d'armée' pi d'drapieu pour vive. Al a bzoin d'gins. «Aucune langue n'a besoin d'une armée ou d'un drapeau pour vivre. Elles ont besoin de gens»* (для жизни ни одному языку не нужны ни армия, ни в флаг. Им нужны люди).

ЛИТЕРАТУРА

Свиридонова В. П. Пикардийский язык (к проблеме языковой стратификации в современной Франции) // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия «Языкознание». 2010. № 2. С. 242–245.

Bovet L. Québec français // Bienvenue dans ch'Nord! 2009. №152. Pp. 105–107.

Cerquiglini B. Les langues de la France: Rapport au Ministre de l'Education Nationale, de la Recherche et de la Technologie, et à la Ministre de la Culture et de la Communication. Avril 1999. 9 p.

Harrison D. K. When Languages Die: The Extinction of The World's Languages and The Erosion of Human Knowledge. Oxford; New York: Oxford University Press, 2007. 292 p.

Krauss E. M. Alaska Native Languages: Past, Present, and Future. Fairbanks, Alaska: Alaska Native Language Center, 1980. 110 p.

UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger. URL: <http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php?hl=en&page=atlasmap&lid=398> (дата обращения: 20.03.21).